

— Влажные салфетки есть? — раздался холодный, но подчеркнуто вежливый голос Лу Чжи.

Он вскинул темный, непроницаемый взгляд на Чи Цзиньсяня.

— Есть! — Чи Цзиньсянь будто вовсе не замечал чужих рук, тяжелым грузом висевших у него на плечах. Он тут же полез в рюкзак, выудил пачку влажных салфеток и протянул её: — Держи!

От такого резкого движения Ци Суйи качнуло. Половина его туловища все еще перевешивала через подоконник, и, теряя равновесие, он чуть не ввалился в класс. Спасаясь от падения, Ци Суйи запричитал: «Э-э-эй, упаду же!» — и в панике вцепился Чи Цзиньсяню прямо в шею, крепко его обняв.

— Ты меня вообще замечаешь?! — Ци Суйи мрачно уставился на Чи Цзиньсяня, всем своим видом выражая крайнее недовольство, после чего резко повернулся и смерил свирепым взглядом сидевшего сзади парня с совершенно равнодушным лицом.

— Замечаю, замечаю... — смущенно и явно для галочки пробормотал Чи Цзиньсянь. И тут же снова подался вперед, протягивая салфетки: — Брат Лу!

Лу Чжи взял пачку, достал одну салфетку и коротко выдохнул:

— Спасибо.

После чего принялся наводить порядок на столе, в выдвижном ящике и на стуле, так ни разу и не удостоив Ци Суйи даже беглым взглядом.

Чи Цзиньсянь тем временем скинул с себя руки Ци Суйи, заставив того выпрямиться в коридоре и перестать висеть на окне, словно безногий инвалид. Освободившись, он снова полез в рюкзак и достал баночку молока.

— Брат Лу, вот, молоко, — он поставил ее на стол Лу Чжи и слегка подвинул ближе.

Лу Чжи лишь взмахнул рукой — и использованная салфетка с точностью снайпера полетела прямо в открытый рюкзак Чи Цзиньсяня. На молоко он даже не посмотрел, не то что прикоснулся.

Чи Цзиньсянь мысленно вздохнул. Ну да, как и следовало ожидать, снова отказ.

Отодвинув стул, Лу Чжи сел. Слово только сейчас сообразив, что в классе установилась уж слишком подозрительная тишина, он вскинул взгляд и обвел кабинет быстрым взглядом.

В ту же секунду поднялся невероятный шум: загрохотали стулья, кто-то с глухим стуком врезался локтем в соседа, раздалось шипение от боли. Вся аудитория, еще мгновение назад увлеченно глазевшая на заднюю парту, резко повернулась к доске и выпрямилась с преувеличенно усердным видом. Кто-то заболтал, кто-то занялся перепиской, все срочно ушли в «дела» — будто и не они только что сгорали от любопытства.

Одноклассники и друзья наблюдали эту картину горячего порыва, разбивающегося о ледяную стену, уже несчетное количество раз. И пусть финал всегда был предсказуем, им все равно становилось жалко Чи Цзиньсяня. Надо же было влюбиться именно в этого молчаливого робота! В голове Бога Лу не существовало ничего, кроме учебы.

А самого Цзиньсяня хошь бей, хошь ругай — бесполезно, абсолютно непробиваем.

— Чи Цзиньсянь! — прозвенел предупредительный звонок на восемь утра. Дольше оставаться у чужого кабинета было нельзя, поэтому Ци Суйи напоследок ткнул пальцем прямо в нос Цзиньсяню, прошипев с досадой и возмущением старшего: — Ни капли гордости в тебе нет!

Чи Цзиньсянь, ничуть не огорчившись, словно его угостили конфеткой, расплылся в улыбке и откликнулся:

— А твоя гордость меня сытым сделает?

Ци Суйи, бегом возвращавшийся в свой класс, прокручивал эти слова в голове и распалялся все сильнее. Достав на ходу телефон, он принялся с яростным стуком вбивать сообщение.

[Будущая Суперзвезда]: Вернусь домой — обязательно расскажу третьему дяде, что ты опять закрутил роман раньше времени!

Чи Цзиньсянь как раз повернулся назад и восторженно пытался завязать разговор с Лу Чжи, когда вибрация в кармане отвлекла его внимание.

— Нормально, — сухо ответил Лу Чжи на его вопрос о том, как прошли летние каникулы.

Чи Цзиньсянь быстро набрал ответ:

[Кэш-Пул]: Какая еще «ранняя любовь», я даже дня ни с кем не встречался!

[Кэш-Пул]: Я бы и рад закрутить роман, да брат Лу шанса не дает.

[Будущая Суперзвезда]: Ты с ума сошел, предков до инфаркта доведешь! Он что, красавец какой-то неземной?

[Кэш-Пул]: Всяко красивее тебя.

Брови Чи Цзиньсяня слегка сдвинулись к переносице — судя по всему, он с кем-то ожесточенно пререкался в сети. Заметив, что парень оперся руками о его стол и, уткнувшись в экран, вовсе не собирается уходить, Лу Чжи окликнул его:

— Чи Цзиньсянь.

— А? — Цзиньсянь мгновенно вскинул голову и одним привычным движением спрятал телефон. Хмурости как не бывало. — Что такое, брат Лу?

— Повернись обратно, — отрезал Лу Чжи. — И заberi молоко.

Ну вот, прогнали. Вернется домой — обязательно накостыляет Ци Суйи!

Чи Цзиньсянь тягуче выдохнул: «О-а-а...» — и неохотно развернулся вперед. Впрочем, голова его все равно оставалась повернутой назад.

— Брат Лу, да заberi ты молоко, — тихо попросил он. — Я просто на обед хочу к тебе присоседиться.

Лу Чжи ничего не ответил, но Чи Цзиньсянь счел молчание знаком согласия. И с чистой совестью вернулся к виртуальному бою.

[Кэш-Пул]: Папа с младшим папой не первый день знают, что я за ним ухаживаю. Кому ты там стучать собрался? Я вообще-то брату Лу каждый день ночь розы, срезанные в папином саду!

[Будущая Суперзвезда]:...

[Кэш-Пул]: Короче, все. Вернусь домой — скажу дедушке, что ты опять меня обижаешь.

[Будущая Суперзвезда]:...

Ци Суйи струсил и предпочёл замолчать. Поняв, что победа снова за ним, Чи Цзиньсянь довольный расплылся в улыбке.

— Эй, с кем это ты переписываешься с такой счастливой физиономией?

— Ой! — перед самым носом неожиданно возникло чужое лицо. Чи Цзиньсянь от неожиданности вздрогнул всем телом и резко отшатнулся: — Напугал до смерти!

Его сосед по парте, с которым они просидели весь десятый класс, слегка отстранился и ехидно хмыкнул:

— Раз напугал, значит, день прожил не зря!

Вот же вредина...

— Цзян Байсяо! — заскрежетал зубами Чи Цзиньсянь, замахиваясь, чтобы отвесить тому подзатыльник, но сосед ловко увернулся и со смехом замахал руками:

— Настоящие джентльмены Омега не бьют!

Цзиньсянь замер и с преувеличенно благородным видом поправил воротник школьной формы. Однако уже в следующую секунду его самого прижали лицом к парте!

Цзян Байсяо обхватил его за шею и пропел:

— Но наш Сяньцзинь ведь тоже Омега! Нам, девчонкам, можно обниматься!

При этих словах выражение лица Чи Цзиньсяня на мгновение стало смущенным и натянутым. Находясь в захвате, он не мог сделать резких движений, лишь бросил быстрый, тревожный взгляд назад.

Лу Чжи сидел с наушниками в ушах, словно отгородившись от всего мира.

Но Цзиньсянь все равно чувствовал укол вины.

Никаким Омегой он не был. Он являлся самым обычным Бетой, у которого, в отличие от Альф и Омега, не было никаких феромонов. Беты не просто не источали их — они даже не способны были их чувствовать.

Нынешняя цивилизация Альянса давно ушла от времен, когда боевые корабли гонялись за космическими пиратами, а жесткое сословное деление АВО кануло в прошлое. Кем бы ты ни вторично-дифференцировался, на твой социальный статус это почти не влияло.

И все же Чи Цзиньсянь скрывал свой истинный пол. Еще в самый первый день, когда он решил ухаживать за Лу Чжи, он разузнал одну деталь: тот до глубины души ненавидел Бет. Правда это была или вымысел — никто не знал, спросить у самого Лу Чжи ни у кого не хватало духу.

И на всякий случай Чи Цзиньсянь «стал» Омегой.

— Ну да, точно! — Чи Цзиньсянь тут же заключил Цзян Байсяо в объятия и с театральным наигрышем воскликнул: — Сестренки навек!

— Ребята, а вести себя как нормальные пацаны вам что, религия не позволяет?! — прокричал кто-то из класса, наблюдая за их дурачеством.

— Ха-ха-ха, еще как не позволяет!

Благодаря этой вспышке веселья неловкое напряжение, висевшее в классе из-за отвергнутых чувств, рассеялось без остатка. Ребята с новой силой принялись шуметь, делиться впечатлениями о каникулах и подшучивать друг над другом.

Когда учебный сектор Чжун Цин толкнул дверь и вошел в кабинет, ему показалось, будто он попал в птичий птичник — от оглушительного гвалта едва не заложило уши.

С трудом перекрывая шум, Чжун Цин прокричал:

— Староста! Классный руководитель сказал взять нескольких парней-Альф и сходить в учительскую за учебниками! Если Альф не хватит, пусть Беты тоже подключаются!

Лу Чжи отозвался коротким кивком. Встав, он снял наушники, положил их на стол и через заднюю дверь вышел в коридор. Парни, услышавшие клич, мигом свернули свои споры: «Все, хорош, потом договорим!» — и выскочили вслед за старостой.

В первый день учебы даже у выпускного одиннадцатого класса полдня уходит на всякую организационную чепуху. После раздачи учебников классный руководитель Гао Мин долго и вдохновенно вещал о судьбоносной важности выпускного года, и так незаметно подкрался обеденный перерыв.

— Лу Чжи! — едва открылась задняя дверь, в проеме показался высокий парень. Обращаясь к только что поднявшемуся из-за парты старосте, он бросил: — Пошли в столовку.

— Пошли, — буркнул Лу Чжи.

Звавшим был Цзян Цзинь, друг детства Лу Чжи из соседнего класса. Спускаясь на обед, он как раз проходил мимо десятого класса третьего года обучения. В школе они почти всегда держались вместе.

Но стоило только двоим проследовать к лестнице, как сзади неизменно увязывался «хвостик».

— Брат Лу! — Чи Цзиньсянь пристроился следом, расплываясь в белозубой улыбке. — Возьмите меня с собой!

Цзян Цзинь, ничуть не удивившись его появлению, со смешком поприветствовал:

— О, Сяо Сяньцзинь!

— Привет, брат Цзян!

Лу Чжи косо посмотрел на Цзиньсяня и ничего не ответил — поди разбери, то ли согласен, то ли против.

Чи Цзиньсянь, не смущаясь, заглянул ему в лицо и принялся вдохновенно импровизировать:

— Брат Лу, ты же знаешь мою кручину — я беден как церковная мышь! Забери то молоко, а взамен дозвожь мне разжиться у тебя тарелкой каши, а?

В столовую набивалась уйма народу, зазеваешься на секунду — останешься без обеда, поэтому Цзян Цзинь прибавил шагу. На правах миротворца, знающего расклады наизусть, он легкомысленно бросил:

— Раз Лу Чжи молчит, значит, не против. Ступай за нами.

Лу Чжи одарил приятеля ледяным взглядом. Цзян Цзинь лишь усмехнулся и тихонько шепнул ему на ухо:

— А сам-то молчишь, на кого пенять? Такой симпатичный Омега за тобой бегают...

Взор Лу Чжи стал совсем уж убийственным, так что Цзян Цзинь поднял руки в знак примирения и умолк.

Зато Чи Цзиньсянь, добившись своего, радостно сиял:

— Отлично, спасибо!

Последние два года Чи Цзиньсянь только так и держался возле Лу Чжи — прикидываясь нищим и нещадно давя на жалость. Когда Цзиньсянь впервые признался ему в любви, Лу Чжи поинтересовался, все ли у того в порядке с головой. Потом пытался отгонять: «Не ходи за мной», — но кто бы его слушал? Не прошло и месяца, как Лу Чжи махнул рукой и просто перестал обращать на назойливого поклонника внимание.

В отличие от прочей орды ухажеров, Чи Цзиньсянь, хоть и признавался в любви ежедневно, границы приличий никогда не переступал, удерживая дистанцию ровно настолько, чтобы не вызывать настоящего раздражения. В итоге Лу Чжи, будто заразившись олимпийским

спокойствием директора школы, предпочёл смотреть на всё сквозь пальцы.

Чи Цзиньсяню казалось, что у Лу Чжи просто доброе сердце и тот не может дать ему умереть с голоду — иначе с чего бы каждый раз делиться кашей? За эти два года Цзиньсянь не раз мысленно похвалил себя за находчивость. Об его упорстве банного листа, выпрашивающего обеды, знала вся школа, оттого-то толпа и жаждала продолжения этой драмы — всем хотелось посмотреть, чем кончится очередная безуспешная попытка завоевать Небожителя Лу.

Впрочем, когда Цзиньсянь говорил «клянчить кашу», он действительно ограничивался одной лишь пиалой рисового отвара. Основное блюдо он всегда покупал сам. Он ведь добивался внимания, желая выкроить лишнюю минутку рядом с любимым человеком, а вовсе не намеревался ни морить себя голодом, ни сидеть на чужой шее.

Однако Цзян Цзинь каждый раз участливо справлялся, наелся ли тот — всё-таки бедность штука суровая, пусть даже речь шла о тарелке каши.

На что Чи Цзиньсянь неизменно отмахивался:

— Наелся, наелся, до отвала!

Вот и сегодня Цзян Цзинь спросил:

— Ты же пришел еду выпрашивать? Ну что, выпросил? Наелся?

— Конечно! — Цзиньсянь допил кашу до последней капли и улыбнулся: — Я же рядом с моим... с вами обедаю, вот и «выпросил» самое главное!

С этими словами он сгреб поднос и бросился догонять уже направившегося к выходу Лу Чжи.

Цзян Цзинь только молча покачал головой.

Полстоловой провожали их взглядами, а едва троица скрылась за дверями, поднялся гул сплетен.

Во второй половине дня начались настоящие уроки. В школе Цзиньсянь всегда пребывал в приподнятом настроении: успевал и учителей слушать, и на заднюю парту коситься. Одно другому не мешало.

Так незаметно, на одном дыхании, и пролетел остаток дня.

Сегодня был четверг. Обязательные вечеровки для одиннадцатиклассников должны были

начаться только со следующего понедельника, после торжественной линейки. Едва прозвенел последний звонок, ученики, будто вырвавшись из заточения, сорвались с мест и толпой устремились к выходу из школы.

Чи Цзиньсянь в самый последний момент перехватил Лу Чжи у дверей и зарылся в рюкзак.

Он извлек аккуратный конверт, украшенный засушенным лепестком, и великолепную огненно-красную розу в изящной обертке.

— Брат Лу, ты мне н...

— Ты мне не нравишься, — без единой эмоции на лице отрезал Лу Чжи.

Фраза отскочила от зубов так привычно, словно произносилась тысячный раз.

— Да знаю я! — глаза Чи Цзиньсяня лучились светом, он ни капли не расстроился. — Брат Лу, это самая красивая роза, что распустилась сегодня в папином саду. Я ее утром тайком срезал. Это тебе!

Несмотря на то что день подходил к концу, лепестки цветка пылали сочным, ярким пурпуром, не сохранив и намека на увядание. Стебель с острыми шипами просвечивал сквозь прозрачный оберточный шелк, и лишь самое основание скрывалось за алой лентой. Лу Чжи опустил взгляд на стебель, но тут же равнодушно отвернулся.

Цзиньсянь ухаживал на редкость заботливо: на самом срезе стебля находился маленький комочек влажной земли, бережно питавший цветок. Такая роза не завяла бы и через пару дней — ее, пожалуй, можно было прямо так посадить в горшок, и она пустила бы корни.

— Не надо, — сказал Лу Чжи и, закинув рюкзак на одно плечо, пошел прочь.

— Эх-х, ну ладно, — с наигранным вздохом протянул Чи Цзиньсянь. Но уже через мгновение нагнал его и ловким, отработанным движением запихнул розу вместе с конвертом в боковой карман чужого рюкзака.

Сделав это совершенно бесшумно, Цзиньсянь доволен своей проделкой тихо усмехнулся.

— Брат Лу, — подскочил он ближе, выравнивая шаг у самого выхода из школы. — А у меня сегодня день рождения!

И уставился на него чистыми, ждущими глазами — точь-в-точь как ребенок, выпрашивающий подарок.

Лу Чжи поначалу не собирался ничего говорить, но, немного помолчав, все же произнес:

— С днем рождения.

— Спасибо, брат Лу! — сияя от счастья, закричал Чи Цзиньсянь и, подскочив на месте, припустил к дому, на бегу маша рукой: — До завтра, брат Лу!

Он полагал, что этот праздник пройдет как обычно: уютный семейный вечер дома с папой и младшим папой. Но не успел он дойти до родных ворот, как дядя Фан, их дворецкий, перехватил его по дороге и увлек за собой в автомобиль, направившись к фешенебельному отелю.

— Мы что, сегодня не дома празднуем? — удивился Цзиньсянь.

— Молодой господин считает, что вам исполняется семнадцать, а это уже вполне солидный возраст, — мягко пояснил дворецкий. — Пора привыкать к светскому обществу, поэтому в этом году решено было устроить банкет и пригласить гостей.

— А, ну ладно, — Цзиньсянь сменил гнев на милость и оглядел свою одежду: — И мне так прямо в школьной форме идти?

Дворецкий улыбнулся:

— Вы еще юноша, так что строгий дресс-код не обязателен, никто не станет вас осуждать. — Впрочем, он тут же добавил: — Но если молодой господин желает переодеться, костюм наготове.

Цзиньсянь махнул рукой — мол, не надо. В конце концов, он виновник торжества! А школьная форма среди фраков и вечерних платьев сделает его только заметнее.

Вот только...

В тот вечер он оказался далеко не единственным, кто пришел на праздник в обычной школьной форме.

<http://bllate.org/book/19561/1933808>